

М. И. Макаров

ЭТИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОБРОДЕТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

УДК 177
ББК 87.772

В статье рассматриваются в теоретико-методологическом и историко-педагогическом ключе трактовки категории «добродетельная жизнь» в отечественной правоучительной литературе XVIII – первой половины XIX века, а также дается научно-педагогическая интерпретация содержащихся в ней методов и способов приобщения воспитанников к нормам, ценностям и регламентам ведения социально приемлемой и одобряемой жизни. Особое внимание отводится рассмотрению влияния христианской мысли на этико-педагогические представления о добродетельной жизни, зиждущейся на универсальных ценностях Добра, Истины и Красоты.

Ключевые слова: этико-педагогические представления о добродетельной жизни, категория «добродетельная жизнь», отечественная педагогическая правоучительная литература.

M. I. Makarov

ETHICAL AND PEDAGOGICAL UNDERSTANDING OF A VIRTUOUS LIFE OF THE PREACHY LITERATURE OF OUR COUNTRY FROM THE XVIII – THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The article deals with a theoretical and methodological, historical and pedagogical vein treatment the category of «the virtuous life» of the preachy literature of our country from the XVIII – the first half of the XIX century and provides scientific and educational interpretation it contained therein methods and techniques of familiarizing children to the norms, values and regulations of doing socially acceptable and approved by the life. Particular attention is given to the consideration of the influence of Christian thought on the ethical and pedagogical understanding of a virtuous life, based upon the universal values of goodness, truth and beauty.

Key words: ethical and pedagogical understanding of a virtuous life, the category of «the virtuous life», the preachy pedagogical literature of our country.

Вопросы, связанные с возвышением в воспитании сил добра, формирования в нем способности к противостоянию злumu, социально неприемлемому, разрушающему в человеке собственно человеческое начало, на протяжении веков неоднократно поднимались отечественными мыслителями. Особенностью даваемых ими ответов на эти вопросы выступало то, что большинство мыслителей в обосновании своего видения путей нравственного развития воспитанников отталкивались от той или иной трактовки категории «добродетельная жизнь».

Взгляд на воспитание как на приобщение воспитанников к нормам, ценностям и регламентам ведения социально приемлемой и одобряемой жизни, зиждущейся на универсальных ценностях Добра, Истины и Красоты, обозначил нашу исследовательскую цель — рассмотреть в теоретико-методологическом и историко-педагогическом ключе трактовки категории «добродетельная жизнь» в отечественной правоучительной литературе XVIII — первой половины XIX века.

В XVIII веке многочисленные философские новации, приходящие в Россию из Европы, составляли альтернативу традиционному для древнерусской педагогической мысли теологическому видению проблемы добродетельного ведения жизни. В отечественной педагогической правоучительной литературе трактовки категории «добродетельная жизнь» наполнились новым, светским содержанием, но, по сути, в них осталась неизменной прежняя истина, прежнее

откровение о человеке. Несмотря на влияние секулярных идей, по-прежнему имели место трактовки категории «добродетельная жизнь», в содержании которой отражался ценностный аспект добра в его теологическом толковании. Педагогическое и богословское знание по-прежнему строилось на общей основе. Для богословия это было приближением к познанию божественной природы добра и, в целом, морали, для педагогического построения — приближение к познанию критерия качества земной жизни, что по сути своей для человека той эпохи было одним и тем же. Во многом этому способствовала идеологическая платформа Феофана Прокоповича, который, продолжая идею понимания добра в русле христианского толкования, напрямую связывал феномен добродетельной жизни с процессом воспитания, в рамках которого люди становятся носителями моральных норм и ценностей. Поэтому в представлении Прокоповича ответственность, страх перед Богом и любовь Бога выступали естественным законом воспитания и развития.

Труды Феофана Прокоповича (1681—1736), в которых, помимо описания и освещения христианских добродетелей, содержатся теоретические размышления автора о природе, характере и содержании добродетельной жизни: «Зло — и старое зло есть, добро — и новое добро есть. Разве бы еще сказал кто, что дело сие у нас не бывало. Хотя бы и не бывало — что противно?.. Первое явилось огненное оружие у прочих народов, нежели у нас, но если бы и к нам оное досе-

ле не пришло, что бы было и где бы уже была Россия? Тоже разумеи и о книжной типографии, об архитектуре, о прочих честных учениях. Разумный есть и человек и народ, который не стыдится перенимать доброе от других и чуждых, безумный же и смеха достойный, который своего и худого отстать, чужого же и доброго принять не хочет» [2. С. 257].

Подобная морализаторская направленность, содержащаяся в трактовках категории «добродетельная жизнь», вполне соответствовала задачам, стоящим перед отечественной педагогической практикой XVIII века. Использование в данной схеме христианских этических интенций как основы воспитания было вполне закономерным.

Среди работ XVIII века, ориентированных не только на теологическое видение проблемы добродетельного ведения жизни, но и на видение его в секулярном ключе, особое место занимают труды Е. Р. Дашковой, М. В. Ломоносова, И. Т. Посошкова, А. А. Прокопович-Антонского, Г. С. Сковороды, В. Н. Татищева.

В записке графу И. И. Шувалову М. В. Ломоносов (1711–1765) предлагал создать по всей стране «малые школы», задача которых должна заключаться в поддержании в поведении и мышлении воспитанников целостного взгляда, включающего в себя этическое, эстетическое, интеллектуальное, чувственное, интуитивное начала и веру, взятые как целое. Педагогические взгляды ученого, которые в свернутом виде отражают морализаторские интенции, зиждутся

на представлении о том, что счастье человека определяется возможностью для него творить и постигать созданное Богом. Познавая Вселенную, человек нравственно преображается, «очеловечивается», открывает для себя красоту и совершенство мироздания. В таком ключе искание истины, в представлении М. В. Ломоносова, есть восхождение человека по лестнице добродетелей к высотам нравственного бытия.

Стиль педагогического мышления М. В. Ломоносова, сохранив традицию понимания правил доброй жизни, имеющей божественное происхождение, позволил перейти от характерного для конца XVII века теологического видения проблемы добродетельного ведения человеком жизни к светскому пониманию вопроса, связанного с приобщением учащихся к ценностям Добра, Истины и Красоты, вследствие чего появились секулярные трактовки категории «добродетельная жизнь».

Обобщая этико-педагогические воззрения М. В. Ломоносова, отметим, что ученый заложил начало духовной традиции в отечественном научно-педагогическом познании — традиции слияния соборного (сопричастного) взаимодействия людей, ведущего к социальной гармонии, с логическим познанием мира как творения Бога, традиции, из которой исходила моральная логика, моральная объективность — справедливость, определяющая правила общежития.

Эта традиция была поддержана Е. Р. Дашковой (1744–1810), видевшей первостепенную роль добродете-

ли в воспитании дворянских юношей. По глубокому убеждению просветителя, такие добродетели, как честь, правда, неприятие эгоизма, почитание родителей, общность людей всех степеней и состояний в их отношении к абсолютным ценностям, а также понятия Бог и Отечество должны стать ценностным основанием всего русского просвещения. Это убеждение активно поддерживал публицист и педагог А. А. Прокопович-Антонский (1762—1848), считавший, что воспитательные идеалы кроются в этических идеалах и убеждениях. Поэтому действительными основаниями отечественного воспитания должны быть такие этические идеалы русского человека: Бог, Отечество, соборный образ бытия, а также способы их привнесения в души юношей (образ жизни русских людей, духовное воспитание) и провиденциальный русский гений (русский талант как промыслительный дар).

Подобные положения как аксиологические основания отечественного воспитания были сформулированы И. Т. Посошковым (1652—1726) — убежденным сторонником воспитания детей всех сословий в духе пробуждения в человеке светлого и чистого начала и его восхождения по лестнице добродетелей к горным высотам нравственного бытия. Привнесение в русскую действительность европейских знаний, обычаев, элементов хозяйственного уклада, которые не нарушают нравственных основ бытия русских людей, но органично вписываются в культурные и хозяйственно-экономические реалии их жизни, опыт

праведного, совестного земледельческого труда, опыт смиренного принятия суровой для человека судьбы-бремени и этически безупречного преодоления ее — квинтэссенция воззрений И. Т. Посошкова на воспитание юношества всех сословий. В качестве оснований воспитания юношества И. Т. Посошков называет характерные для православного видения проблемы добродетельного ведения жизни: «Во всяком из людей явлено слово Божие; не в богатстве, но в смирении и соборе с людьми — счастье человеческое; стяжи себе мирный дух — и тысячи вокруг тебя спасутся» [1. С. 15].

Морализирования И. Т. Посошкова, принципиально важные в понимании роли труда в личностном становлении юношества всех сословий, с наибольшей силой выразились в его стремлении отыскать истоки духовного чувства человека. Ученый отмечал, что в суровом и свободном от корысти, злобы и гордыни земледельческом труде, в котором главное и человек, и принимающая его земля, в котором он духовным усилием и подвигом создается и творится, человек находит себя тящим и Бога, и людей.

Продолжая традицию православного видения проблемы добродетельного ведения жизни, Г. С. Сковорода (1722—1794) одним из первых сфокусировал в отечественной нравоучительной педагогической литературе ракурс «сердечной педагогики», определив сердце в качестве цели и результата воспитания. Рассуждая о соотношении двух начал, тленного и истинного, и акцентируя внимание

на том, что моральное совершенство (добродетельность) личности как взаимоотношения разумного и неразумного сосредоточено именно в сердце, он писал: «Истинный человек есть сердце в человеке» [З. С. 141]. Позднее эти идеи развил П. Д. Юркевич в целостной концепции «философии сердца».

Рассуждая о божественной природе морали, Г. С. Сковорода приходит к пониманию, что в конкретной жизни воля и разум разорваны и мучительно стремятся к первоначальному единству. Поэтому цель жизни, состоящая в желании вернуться в отчий дом, чтобы посредством разума приблизиться к познанию истины и посредством воли ее уяснить, должна стать целью педагогики: «Действительно все делается по воле Божией, но и я с ней согласен, и она уже моя воля... премудрость: если исполняем, что говорим: „Да будет воля твоя...“» [З. С. 235].

Этико-педагогический характер рассуждений Г. С. Сковороды проявился и в понимании им страха Божьего как основания мудрой жизни, веры как ее неперемennom условии, любви как ее завершения и венце. Счастье, в представлении Г. С. Сковороды, состоит в сродности, в следовании собственной природе, в созидании, в работе над самоопределением в жизни, в тонкой восприимчивости велений своего духа: «Чем кто согласнее с Богом, тем мирнее и счастливее». Природа сродности интерпретируется мыслителем как имеющее божественное происхождение моральное пространство человеческих отношений, делающее возможным

отношения между людьми во всем их многообразии — «врожденное Божие благоволение и его тайный закон, управляющий всеми». Счастье как «верховное желание» может быть достигнуто только тогда, когда премудрость «уразумевает то, в чем состоит счастье», а «добродетель трудится» его сыскать [З. С. 217].

Трактовки категории «добродетельная жизнь», предложенные Г. С. Сковородой, ценны еще и тем, что в их содержании наметился процесс секуляризации педагогического сознания.

В первой половине XIX века в трудах К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, А. С. Хомякова значительное место заняли рассуждения о роли и месте «русского пути» в приобщении человека к добродетельной жизни. В философско-педагогических изысканиях, ориентированных на выявление самобытности русского просвещения, базовым становится православное видение добра, понимание которого связывалось с представлением об исходящей от воли Бога благодати. Подобные интенции, связавшие проблемы воспитания с проблемами существования человека, его места в мире и его свободы, расширили содержательную палитру трактовок категории «добродетельная жизнь», которые дополнили отечественную педагогическую нравоучительную литературу первой половины XIX века.

Рассмотрение добра как проявление справедливости, милосердия, человеколюбия, определение примата веры над рациональностью в становлении «русского характера», «рус-

ской души», «русского духа» сфокусировало новый взгляд на процесс воспитания как движение человека к духовным высотам. Квинтэссенцией воспитательного идеала этого времени стали ценностные ориентации православной догматики, где Бог есть добро, а зло — отступление от Бога. Выведение воспитательного идеала из православной этики еще больше укрепило связь этических и педагогических представлений о добродетельной жизни, показав, что нравственный опыт, моральные обязанности человека (добродетели) формируются в процессе воспитания.

Рассуждения о роли и месте «русского пути» в приобщении человека к добродетельной жизни привели к тому, что отечественная педагогическая мысль первой половины XIX века приобрела еще более выраженный ортодоксальный характер. Ортодоксальность педагогической мысли главным образом была связана с пониманием роли и места добродетелей в воспитательном процессе, влиянием их на развитие личности, с определением воспитательной цели в соответствии с двойным предназначением человека — быть членом гражданского общества и Царствия Божия. Поэтому в трактовках категории «добродетельная жизнь» в отечественной педагогической нравоучительной литературе первой половины XIX века имплицировались такие личностные свойства человека, как нематериальность, стремление к нравственно истинному, духовность, ответственность перед собой, людьми, обществом и Богом. В этих оп-

ределениях человек обнаруживал в себе воплощение образа Безусловной Абсолютной личности, не являющейся субъективной идеей человеческого сознания, но имеющей божественную природу.

Категория «добродетельная жизнь» в педагогических воззрениях русских мыслителей первой половины XIX века предстает в качестве понятия, определяющего мерило истинности педагогических взглядов и верности воспитательной практики. Поэтому данную категорию этого периода следует рассматривать как конкретное, тесно связанное с общественными и духовными процессами явление педагогической культуры, окончательно сформировавшееся в России во второй половине XIX века.

Подводя общий итог, отметим, что на содержание трактовок категории «добродетельная жизнь», представленной в отечественной нравоучительной литературе XVIII — первой половины XIX века, сильное воздействие оказывала христианская этическая традиция, связанная с ведением человеком социально одобряемой добродетельной жизни. Форматы приобщения воспитанников к ценностям, диктующим уважительное отношение к другому, другим, себе, природе, Богу на разных исторических этапах приобретали свой неповторимый лик, который определялся множеством факторов. Среди них доминирующим всегда был педагогический, ибо он позволял приобщить человека к добродетельному ведению жизни, понять прикладную значимость ведения социально одобряемой жизни и оценить эф-

фективность педагогических усилий. Категория «добродетельная жизнь» в отечественной нравоучительной литературе XVIII — первой половины XIX века предстает в качестве понятия, определяющего мерило истинности педагогических взглядов и верности

воспитательной практики. Поэтому данную категорию этого периода следует рассматривать как конкретное, тесно связанное с общественными и духовными процессами явление педагогической культуры.

Список литературы

1. Платонов, Д. Н. Иван Посошков / Д. Н. Платонов. — М. : Экономика, 1989. — 142 с.
2. Прокопович, Ф. Сочинения / ред. И. П. Ермин. — М.-Л. : Изд-во Акад. наук, 1961. — 502 с.
3. Сковорода, Г. С. Избранное / Г. С. Сковорода; вступ. ст. Н. А. Батюка и др. — Харьков: Прапор, 1990. — 298 с.